

Публикации

ПИСЬМА В. И. КОТОВИЧ-САММЕРА РОДНЫМ (1918—1921 гг.)

Виктор Иванович Котович-Саммер (1900—1938 гг.) родился в семье видного большевика И. А. Саммера¹.

В 1917—1919 годах Виктор Котович-Саммер являлся агитатором агитотдела Вологодского губисполкома, в первей половине 1919 года возглавлял Вологодскую объединенную организацию РКСМ.

В апреле 1919 года В. Котович-Саммер добровольцем ушел на Восточный фронт против Колчака, словом и оружием защищая завоевания Октября. Здесь, на фронте, наиболее полно раскрылись его организаторские способности: он работал агитатором, инструктором, заведующим агитационно-организационным отделом Н-й армии, военкомом одного из полков прославленной 51-й стрелковой дивизии, помощником начальника политотдела 35-й стрелковой дивизии 5-й армии, помкомбригом и военкомбригом. Коммунист-политработник, В. И. Котович-Саммер пользовался у бойцов большим авторитетом, не раз обеспечивал успех боя, увлекая за собой товарищей по оружию примером личной храбрости и бесстрашия. Он пробыл на Восточном фронте до конца гражданской войны.

Публикуемые письма В. И. Котович-Саммера представляют, на наш взгляд, интерес тем, что написаны они современником и участником больших событий в жизни нашей страны — первых лет Советской власти. Они дороги нам тем, что в них отразилась история тех незабываемых лет. Эти письма, живые документы, и теперь продолжают прямой и откровенный разговор о времени и о себе, о призвании и месте в жизни. Они дают повод для размышлений о долге и мужестве, они призывают к борьбе и чистоте помыслов, ибо в письмах Котович-Саммера, составленных в эпоху наиболее трудных испытаний для нашей страны и судеб человечества, как никогда близко и ярко соединились два порыва — порыв души и порыв времени.

¹ В царской России не признавались гражданские браки, поэтому Виктор и его сестра Нина имели фамилию матери Л. Н. Котович.

* * *

Публикуемые письма В. И. Котович-Саммера родным хранятся в семейном архиве сестер О. И., Л. И. Саммер и Н. И. Котович-Саммер. Пользуясь случаем, приносим им искреннюю благодарность за предоставленную возможность публикации. Приносим также признательность Г. А. Мальцевой, принялшей в судьбе писем самое горячее участие.

Ю. Ратников.

№ 1

И. А. Саммер² в Вологду

(не ранее 24 октября 1918 г.³.

Папа!

Как живешь? Скоро ли приедешь сюда? Жду с нетерпением. У нас чувствуется сейчас приближение большого праздника. Такое настроение, как перед наступлением пасхи. Весь город будет красиво украшен. Сейчас уже открыты памятники: Кольцову, Шевченко, Никитину и Робеспьеру. Они сделаны очень хорошо. Настроение у всех великолепное. Жду приезда Либкнекта. Жаль, что не будешь на Октябрьских торжествах.

Много ли у тебя работы? Должно быть, еще больше, чем было. Пиши скорее, как понравилась тебеnota Советской власти Вильсону⁴. Ну, и штучка! Умнее вещи я не читал. Должно быть не обошлось без участия Ленина.

Я живу хорошо, только есть одна неприятность. Не хотят зарегистрировать в партию. Не верят билету. Найдите, говорят, знающих вас партийных людей, тогда зарегистрируем. Или укажите знающих вас партийных вологжан и принесите от них удостоверение, что вы действительно член Вологодской организации. А где я найду таких людей?

Ну, пока, до свидания. Пиши скорее, когда приедешь. Можно жить у меня. На трамвае № 4 доедешь до Лубянки, потом пересядешь на № 34 и доедешь до Зубовской площади. Тут же на углу дом № 40, где я и живу. Вход с Пречистенки.

Когда приедешь, — поговорим.

Виктор.

² Иван Адамович Саммер, видный большевик, профессиональный революционер. В 1917—1918 гг. работал в Вологде членом губисполкома, председателем ГСНХ, заведующим губфинотделом.

В 1919 г. Саммер был отозван в Москву, где работал членом правления Центросоюза. Затем по настоянию В. И. Ленина был командирован на Украину. «Я хорошо знал... покойного Ивана Адамовича Саммера, — гисал В. И. Ленин. — Старый революционер-большевик. Цекист еще до первой (1905) революции. Умер на Украине... надорвавшись на работе». (Ленинский сборник, XXXV, стр. 317).

³ Дата установлена по содержанию.

⁴ Имеется в виду нота наркома иностранных дел Чicherina премьер-министру Англии Вильсону от 24 октября 1918 г.

(декабрь 1918 г.)⁵

Здравствуй, мама!

Спасибо за посылки. Теперь я подкрепился и вполне сыт. Приятное ощущение. И холод переносится как-то легче. А то совсем замерз. Температура на службе 3°, а дома — 4—5°. Согреваюсь только на улице во время ходьбы. От холода опухли пальцы на ногах и руках, так что трудно писать.

Скорее бы приезжал папа. Надо о многом переговорить. Жаль, что он не будет на съезде С.Н.Х. Я думал, он приедет. Ну, ничего, подожду еще. Здесь вполне можно научиться терпению.

Хорошо, что направила Борю ко мне, хотя я его и не очень люблю, но все-таки приятно увидеть старого знакомого. Поговорили о Вологде, и я опять как бы почувствовал себя «в славном граде Вологде». По правде сказать, я очень соскучился о вас. Знакомство ни с кем завязать не удается, так как нет времени, да и по своей натуре я не умею сразу сходиться с людьми, как это делают другие. И потому все время сижу один со своими книгами, и это уже начинает надоедать.

В институте⁶ занятия идут плохо. Лекции читаются очень нерегулярно, так что там почти не приходится заниматься. Вообще ожидал от Москвы большего.

Что мне особенно не достает, так это живой работы. С каким сожалением я вспоминаю свой агитотдел. Как бы опять хотел там поработать среди своих людей, подальше от той канцеляршины, которая теперь отнимает у меня 6 часов времени ежедневно. Как подумаешь, так даже становится стыдно, что в такое ответственное время занимаюсь таким непродуктивным делом. Когда-нибудь внуки спросят меня: «что ты делал во время великой русской революции?» — а я отвечу: занимался сшиванием бумаг и писанием никому не нужных отношений. Надо что-нибудь выдумать, потому-то я жду папу. У меня есть кой-какие планы, которыми мне бы хотелось с ним поделиться. Когда обдумаю их лучше, то напишу.

Пока, до свидания. Болят руки и больше писать трудно. Жму всем знакомым руки. Поцелуй Нину, Олю и Людмилу⁷. Пиши.

Виктор.

⁵ Дата установлена по содержанию.

⁶ Московский Коммерческий институт, в котором учился В. И. Котович-Саммер зимой 1918 г.

⁷ Нина, Оля, Людмила — сестры В. Котович-Саммера.

8 июня 1919 г

Пользуюсь случаем и посылаю с нарочным письмо. Я уже послал письмо 31-го июля⁸, но до сих пор ответа не получил. Живу хорошо. Пока назначен помощником заведующего и заведующим организационным отделом политотдела дивизии. Долго ли придется работать здесь, не знаю. Вопрос не выяснен. Не то политотдел будет расформирован, не то останется. Работа интересная, но очень ответственная. Затем она имеет для меня некоторые отрицательные стороны. Опять приходится сидеть в душных комнатах, опять большая доля канцелярщины, опять близость к начальству. Побыв на фронте, я в сильной степени склонился к анархизму, и предпочитаю держаться подальше от всяких комиссаров, военкомов и т. д., и быть побольше среди простых солдат. На это есть много причин, о которых не стоит распространяться. Только я начал было сближаться с красноармейцами, узнавать, что это за штука, и опять в «верх». Ничего не попишешь, рассуждать не приходится, а не то — вон из партии. Я так и знал, что как попаду в Вятку, так и случится что-нибудь неладное.

Через несколько дней еду в Пермь, а там — на фронт. Говорят, Пермь хороший город. Вятка мне очень нравится. Чем больше живу, тем больше с ней сживаюсь. Ну, ничего, понемногу узнаю весь Урал, как узнал Вятскую губернию.

В смысле питания дело обстоит вполне удовлетворительно. Конечно, не то, что на фронте, но жить можно хорошо. Живем целой коммуной. Публика подобралась на редкость хорошая. День все работаем, а по вечерам чтения, пение и разговоры. В Перми предполагаем прожить недели две и затем уже сформировавшись полностью отправимся уже в действующую армию. Но черт ее знает. За эти две недели было столько уже комбинаций, что утверждать или предполагать что-нибудь отказываюсь.

Пишите скорее. Как живут все. Хотел бы съездить в Вологду дня на три, но ничего не выходит. Видно, Вологды уже не придется увидеть, так как я надеюсь и уверен, что до моего приезда вы все оттуда уедете. Девочкам надо учиться, а вам с Ниной сидеть в ней совершенно бессмысленно.

Что делает папа? Я не получал от вас писем с самого отъезда и не имею ни малейшего представления о том, что дома творится. Людмила кончила гимназию, конечно, великолепно. Как живет Оля? Ехала бы на фронт с Людмилой и учila бы красноармейцев грамоте, географии, истории и

⁸ Так в рукописи. Возможно, 31 мая.

прочим прелестям. Культурная работа предстоит грандиозная, а работников нет. Ну, ладно, пусть учатся. А я вот боюсь, что все свои науки забуду. Черт его знает, когда вся эта канитель кончится. Разобьем Колчака, надо бить Деникина... Пожалуй, объеду всю Россию.

Что делает папа? Если его все-таки взяли в Москву, а я читал об этом в газетах, то напиши его адрес, как он живет, где работает. Каковы ваши планы на будущее?

Пока всего хорошего. Адрес: политотдел 3-ей армии, Котовичу. Где будет находиться политотдел, не знаю. Может быть, в Перми, может быть, еще где-нибудь. Пиши лучше так: не просто Котовичу, а агитатору Котовичу. Так скорее найдут, да и не знаю, долго ли буду в дивизионном политотделе. Всего хорошего. Кланяйся Рае. Как она живет? Пусть напишет. Что поделывает Лена Пашкевич и Леля? Передай Левке, чтоб написал. Поклон Тане и Лидии Константиновне. Жму руку бабушке и Матавтиным. Пусть Оля и Людмила пишут. Нине пишу внизу. Посылаю Оле и Людмиле денег на учебу в количестве 1000 р. Удалось скопить. Получили ли 250 рублей, которые я послал 17-го мая?

Виктор.

8 июня 1919 г. г. Вятка.

Здравствуй, Нина!

Как живешь? Как учишься?.. Пиши письмо, что делаешь? Не ругайся с мамой и Олей. Как живут Богачев с Клашой? Кланяйся им от меня. Скажи, что там, где был Колчак, не только белого хлеба не давали, но и черный отбирали весь. Крестьянам очень не понравился этот хлеб.

Учись хорошо. Красноармейцы уже взрослые, а учатся с такой охотовой, что даже жутко глядеть. Как бы головы не лопнули. Через год они все будут знать больше, чем мы с тобой. Всего хорошего. Жму руку.

Виктор.

№ 4

Л. Н. Котович в Вологду.

1 июля 1919 г.

Здравствуйте!

Должно быть, из себя выходите, что так долго не писал. Чувствую, что виноват, хотя вина моя уже и не так велика, ибо находился в таких трущобах, что и за 50 верст не найдешь ни одной почты. Объехал на лошади около 600 верст. Был в 7-ми уездах Вятской губернии. Теперь знаю ее и не хуже, чем Вологодскую. Целый месяц был на фронте. По-

⁹ Дата рукописи.

знакомился и с пулями и со снарядами. Попал на фронт в тот момент, когда мы повели наступление. Настроение солдат великолепное. Условия жизни на фронте были также очень хорошие. Ели, сколько влезет. Спали тоже. Дешевизна феноменальная. Яйца — 4 р. десяток, молоко 8 р. четверть, хлеб — 40 коп. фунт и т. д.

К сожалению, та часть, где я был, расформирована, и потому пришлось с фронта уехать. Теперь живу опять в Вятке, но дней через семь опять отправлюсь на фронт и уже надолго. По правде сказать, быть агитатором мне очень не по душе. Говоришь, говоришь, превратишься в мельницу. Если удастся, буду попадать на артиллерийские курсы.

Пишите скорее. Я не получал от вас еще ни одного письма, как уехал из дома и не имею представлений, что у вас творится. Где папа? Что делают девочки? Что делается вообщем в Вологде? Если папа, сверх ожидания, уехал в Москву, то сообщите его адрес.

Не собираетесь ли все уезжать из Вологды? Вдруг надумаете. Ныне все возможно. Со всеми вологодскими товарищами разъехался. Встретил уже теперь в Вятке Бирилло¹⁰ и Романова¹¹.

Сейчас в городе пылища и духота. Не то, что на фронте. Домой попаду не раньше, чем через год, т. е. до конца войны. Отпусков нет.

Как живут все знакомые? Что делает Левка? Я ему писал с фронта, но сомневаюсь, чтобы письмо дошло. Что с Таней? Уехала ли она на Украину? Что поделяют Леля и Лена? Все ли под твоим началом в политотделе? Любопытно, что у вас произошло за 2 месяца. Агитационный отдел с Л. М.¹², должно быть, здорово хромает.

У меня есть просьба к Оле. Я в этом же конверте посылаю письмо Н. Морозовой. Хочу узнать о Кольке. Он мне что-то не пишет. Ее адреса не знаю, но его можно узнать у Лены Непеиной. Пусть Оля отнесет письмо к Наташе, а ответ пришлите с письмом. Буду очень благодарен.

Жду с нетерпением ответа. Кланяйтесь Рае и всем Шнейдерам. Привет сестрам Козыревым. Много писать некогда. Работы много. Однако постараюсь писать регулярно. Всего хорошего.

Виктор.

Адрес. Политотдел 3-й армии. Агитатору Котовичу. г. Вятка, ул. Коммуны.

¹⁰ Бирилло Александр Степанович. Один из первых организаторов вологодского комсомола. В апреле 1919 г. ушел на Восточный фронт.

¹¹ Романов Вениамин Флегонович, председатель президиума Вологодского объединенного исполнительного комитета в 1918 г.

¹² Людмила Модестовна Быстрова, член КПСС с 1906 г. В 1919 г. работала в агитационном отделе Вологодского губкома партии.

И. А. Саммеру в Москву.

2 сентября 1919 г.

Здравствуй, папа!

Давно собирался тебе написать, да все боялся, что до Москвы письма, пожалуй, не дойдут. Теперь же пользуюсь случаем черкнуть пару слов. Опишу вкратце, где я был и что делал за эти четыре месяца. Вначале, как тебе должно быть известно, я был агитатором в политотделе армрезервов, т. е. работал в тыловых частях. Все просился на фронт, и наконец, мое желание исполнилось. Я был с четырьмя товарищами командирован в отряд Шарапова, который действовал в уржумском прорыве между 3-й и 2-й армиями. На фронте я пробыл около полутора месяцев. Видел и испытал очень многое. Более 700 верст проехал по Вятской губернии на лошадях, и узнал вятский край не хуже, чем вологодский, в котором прожил 10 лет. Был и в сражениях, агитировал и среди красноармейцев и среди деревенского и городского гражданского населения... В общем и целом, кроме доверия и признательности ни со стороны солдат, ни со стороны крестьян не видел.

Когда отряд Шарапова был расформирован, я с глубоким сожалением уехал опять в Вятку, где был назначен заведующим агитационно-организационным отделением политотдела бригады. Тут я работал около месяца, а после расформирования и этой бригады очутился в политотделе 51 дивизии, где сейчас и работаю. За это время я проехал Вятку, Пермь, Екатеринбург, Камышин и сейчас нахожусь в Тюмени, завтра еду на фронт, т. е. на фронте я считаюсь и теперь, поскольку штаб дивизии и политотдел находятся на фронте, но завтра я еду на самые передовые линии.

Прежде чем приступить к описанию моих дальнейших планов и предположений, скажу, кого из знакомых я встретил. Заведующим политотдела, в котором я сейчас работаю, состоит т. Вольфович. Он знает тебя по Вологде, где он был в 1909 году. Его кличка была Михаил, и жил он у Капитолины Михайловны. Может быть, ты его вспомнишь. Он тебе шлет привет. Затем я почти все время был вместе с Зерновским, который работал у Элиавы¹³ в губпродкоме. Он сейчас товарищ председателя Тюменского Ревкома, председатель которого некто Макаров, которого ты также должен знать. Он работал осенью в Вологде в военном комиссариате, что ли. Он также тебе кланяется.

¹³ Элиава Шалва Зурабович, комиссар Вологодского губпродкома в 1918 г. В 1919 г. — член Реввоенсовета 1 армии.

Работаю я теперь впредь до организации агитационного стделения в качестве инструктора партийных ячеек. Как уже я говорил, завтра еду в действующие части. Моя задача — инструктирование и организация партийной работы на фронте, подготовка к предстоящему съезду коммунистов 3-ей армии. Попутно придется вести агитационную работу не только среди т.т. красноармейцев, но и среди гражданского населения. Работы много. Не знаю, как позволит развернуть работу боевая обстановка. Боюсь, что будет трудновато. Больше придется сражаться, чем работать, но что можно, постараюсь сделать. Те части, в которые я поеду сражаться — на Тобольском направлении, так что мне предстоит приятная перспектива вместе с передовыми отрядами Красной Армии войти в Тобольск. Вот в кратких чертах та история моего пребывания на фронте.

Теперь еще скажу несколько слов о себе, а затем перейду к описанию того положения, которое наблюдается сейчас в армии и среди гражданского населения.

Я совершенно освоился с обстановкой военного. Больше того. Жизнь эта меня очень привлекает. Постоянно новые места, новые лица... Каких только типов я не встречал за это время! Чувствую, что во мне, вероятно, есть цыганская кровь.

В материальном отношении, за исключением обмундирования, я более, чем обеспечен. Едим белый хлеб, колбасу, сыр, масло и все в неограниченном количестве. Настроение у меня великолепное, работой доволен, хотя, по правде сказать, меня очень тянет на артиллерийские командные курсы. Но меня не хотят и слушать, как только я заведу об этом речь, грозят исключением из партии. Так что приходится сейчас мириться. Но это ничего. Вот все, что я могу рассказать о себе.

Пойдем дальше. За четыре месяца в армии произошла трудно мыслимая перемена. Она прямо переродилась. Когда я приехал, коммунистам не давали говорить и стаскивали за ноги с кафедры, теперь же коммунистов все больше и больше. Настроение великолепное. И все это на глазах. Приятно чувствовать, что тут есть и твоя доля. И эту колоссальную работу целиком вынесли на своих плечах коммунисты. Часть, которая кажется никуда не годилась, стоило только влить в нее несколько сознательных людей, становилась неузнаваема. По составу своему 3-я армия также вполне благоприятствует для нашей работы. Здесь есть масса уральских рабочих, Сежавших с красными при отступлении с Урала. Ах! Вот где великолепный народ. Все они какие-то цельные, сильные. Есть громадная разница между московскими и питерскими рабочими, с одной стороны, и уральцами, с другой. Первые слишком расхлябаны, изуродованы большими городами, а эти,

напротив, чистый гранит. В истории строительства Красной Армии им принадлежат незабвенные страницы. Колossalная роль в деле переустройства армии принадлежит также политическим отделам. Они поистине являются мозгом и нервами в армии. Они ведут громадную, культурную работу. Ты не поверишь, если я тебе скажу, что дайте еще небольшой срок и почти все солдаты будут грамотные. У нас везде организуются школы. Я сам читаю лекции (систематически) по географии и истории. У нас существуют подвижные труппы, посредством которых мы развиваем у красноармейцев вкус к хорошим содержательным вещам и посредством концертов приучаем их к музыке. Вообще армия теперь не что иное, как школа. Эх! два бы года такой работы еще, и мы перевернули бы весь мир. Чувствуется недостаток учителей и вообще культурных работников. Единственный дефект полит-отделов: не умеют правильно распределить силы. Учителя сплошь да рядом занимают должности писцов, кавалеристы — пехотинцев и т. д. Но и это понемногу налаживается.

В техническом отношении не все благополучно. Армия раздета и разута. Во время последнего наступления, когда части прошли пешком более тысячи верст, все обмундированье истаскалось, а заменить нечем. Как на пример, укажу на следующее обстоятельство. Для нашей дивизии необходимо 40.000 шинелей, а дали только полторы тысячи. Представляешь себе это. Необходимы срочные меры, а то все это настроение, которое сейчас наблюдается в рядах армии, пропадет даром и лопнет, как мыльный пузырь. Где-то развинтилась гайка. Или в армейском отделе снабжения, а, вернее всего, в ВСНХ. Кричи об этом всем встречным-поперечным. Скорь сибирская зима, а у меня только одна рубашка, да и то не суконная.

Есть в армии и еще отрицательные явления. Недостаток артиллерии, отрыжка партизанщины, которая принесла нам столько хлопот на южном фронте и некоторые другие мелочи, о которых нет времени упоминать.

Наше военное положение хорошее. Наступление успешно продолжается, хотя белые оказывают упорнейшее сопротивление. Многие части белых переходят к нам, и потом они оказываются лучшими солдатами в рядах Красной Армии. Вот вообще как обстоит дело в Третьей армии.

Теперь несколько слов скажу о гражданском населении. Это весьма важно для полноты картины, ибо не тебе объяснять, что все наши успехи, в конечном счете, зависят от того, как отнесется крестьянство и рабочие к Советской власти. Настроение вятских крестьян не то что контрреволюционное. Нет. Есть недовольство, которое объясняется «хорошим управлением» вятских властей и той тяготой, которую ведет за собой фронтовая или прифронтовая полоса. Хозяйство

крестьян почти совершенно разрушено, благодаря продвижению армии. Лошади забраны под обоз, и земля у многих крестьян остается незапаханой. Но теперь с удалением фронта дело поправится, а если наладить агитационную работу, то нечего совершенно опасаться. Если же взять местности, занятые белыми, то чем больше они там властвовали, тем революционнее настроено население. В Перми настроение хорошее, в Екатеринбурге великолепное, а в Сибири даже обыватели кричат: да здравствует коммунизм!

Это настроение надо использовать. К сожалению, работников в занятых областях нет. Советская Россия должна их дать. Жизнь при белых ничуть не отличалась от самодержавных порядков. Если кто-нибудь станет говорить, что у Колчака не николаевщина, что там есть что-нибудь новое, революционное, то это ложь. Когда я приехал в Пермь, то у меня было такое чувство, как будто я куда-то надолго уезжал из самодержавной России, и вот по прошествии нескольких лет вернулся назад. Те же шикарные рестораны, те же их разные развлечения: цирки, балаганы и т. д. Частные магазины. Атмосфера какая-то затхлая. О культурной работе среди населения и не слыхать. Только теперь я почувствовал, какую колоссальную работу в смысле поднятия сознания и культурного проделала за 2 года Россия Советская. Самый несознательный красноармеец лучше разбирается в происходящем, чем лучшие рабочие Урала, а особенно Сибири, хотя инстинктивно они всецело за нас. Белые творили здесь трудно представляемые безобразия. Я сам лично видел изнасилованную женщину с вырезанными грудями и много прочей «прелести».

Среди меньшевиков и с-ров разложение. Часть ушла с Колчаком, часть стала обывателями — «ни нашим, ни вашим. Моя изба с краю». Низы властно тянут влево и работают заодно с нами. Этим партиям грозит политическая смерть.

Ну, вот пока и все. Теперь у меня к тебе есть просьба. Сходи в Коммерческий институт и скажи, что они не считали меня исключенным из числа студентов, т. к. я мобилизован в ряды Красной Армии 25 апреля 1919 года.

Как ты живешь, где работаешь? Где Элиава? Кланяйся ему, если его увидишь. Как смотрят на наше положение в Москве? Напиши, мне это очень хочется знать. Как живут дома? Ну, всего хорошего.

Виктор.

г. Тюмень, 2/IX-1919 г.

Р. С. Разобьем Колчака, поедем на Южный фронт. Увижу и буду кланяться Украине.

Мой адрес: Действующая Красная Армия, политический отдел 51 стрелковой дивизии, инструктору Котовичу.

20 декабря 1919 г.

Здравствуйте!

Почти четыре месяца я писал последнее письмо. Но вина не моя. Только что приехал с позиций, а там было не до писем. Кстати, от вас последнее письмо получил от Людмилы, помеченное 12 июня. Больше никаких сведений не имел, и сейчас не знаю, где вы находитесь. Пишу на ура — по старому адресу.

Несколько слов о себе. Боюсь, что кто-нибудь из приехавших из 3 армии в Вологду товарищей разболтал о том, что я пропал без вести. Правда, я чуть не попал в плен при последнем нашем отступлении на Востфронте. Избегая пленя, я некоторое время был лишен возможности сообщить в штаб полка о своем местопребывании. Там подумали, что я погиб, передали в бригаду, бригада — в политотдел дивизии, и вот я очутился на том свете. Но я, однако, жив, хотя, по правде сказать, недалеко был от того света. К счастью, выпутался благополучно, и теперь вполне жив, совершенно здоров, только испортил обе ноги (нарывы и экзема). Сейчас я опять в политотделе 51 дивизии зав. агитационно-организационным отделением.

Во время моего четырехмесячного пребывания на фронте я искоlesил всю Тобольскую губернию, половину Томской, сейчас нахожусь в г. Каниске, а через два дня буду в Н.-Николаевске, а затем тронусь дальше в Иркутск. Видел много интересного. Был в боях, познакомился с сибирским крестьянством и городскими обывателями. На фронте был в хорошем полку, сжился с ним и страшно не хотелось ехать в дивизию, заниматься канцеляршиной. Но ничего не попишешь, пришлось. Вот вкратце моя история.

Мне бы страшно хотелось узнать, что делается у вас, ибо никаких сведений о Вологде. Ни одного из своих товарищей по мобилизации не видел. О Власове¹⁴ я никаких сведений не имею с 7-го мая. Писал Оле, чтоб узнала у Наташи Морозовой о нем, но ответа не получил. Может быть, теперь возможно будет исполнить мою просьбу.

Что поделывает Оля? Уехала ли учиться или нет? Что поделывает Людмила? Очень благодарен ей за письмо. К сожалению, оно слишком давнее. Об отце никаких известий не имел с самого дня отъезда из Вологды, хотя писал ему два письма. Как он живет, работает, ничего неизвестно. Как живы все вологодские знакомые, Матавтины, Орловы и т. д.?

¹⁴ Власов Николай. В комитете Вологодской организации РКСМ заведовал агитационно-пропагандистской секцией.

Сам я себя чувствую отлично, ем хорошо, сплю тоже, работы сверх головы, и работа довольно интересная. Напишите папе, чтобы черкнул несколько слов. Я просил его, чтоб он известил Коммерческий институт, что я мобилизован и чтоб меня не исключили из числа студентов. Скажи Ветошину, что я постараюсь, (если вырву время) сделать годовой доклад о своей работе. Я читал, что его выбрали в президиум съезда Советов¹⁵. Очень (приятно) было для вологжанина это читать. Передай ему привет.

Домой не приеду долго. Сейчас нахожусь от вас за 4000 верст, а через 2 месяца буду за 8000. Если даже дадут месячный отпуск, то за столько времени даже не доехать до Вологды. А отпусков для коммунистов нет.

Ну, всего хорошего. Пишите скорее и каждый отдельно. Кланяйтесь Леве и сестрам Козыревым. От них ничего не получал, хотя сам писал.

Виктор.

20/XII-1919 г.
г. Каниск, Томская губерния.

№ 7

И. А. Саммер в Москву.

17 февраля 1920 г.

Здравствуй, папа!

Я посыпал телеграммы и письма довольно исправно. Гравда, одно время был чуть не трехмесячный перерыв, но это не моя вина, а вина фронтовой жизни, где совершенно нет возможности писать не только письма, но даже доклады о своей работе в политотдел. Тем более, что на фронт я попал в особенно тяжелый для нас момент, в момент сентябрьского отступления. Чуть не попал Колчаку в лапы, бродил три дня один-одинешенек по бслотам в тылу у белых, состоял на ягодном довольствии, все-таки выбрался к своим и благополучно работаю в политотделе до сего времени. Вот, собственно, грубо, схематично основные моменты моей жизни.

Много о себе гэвсрить не стану. Сейчас работаю в качестве зав. агитационно-организационного политотдела 51 (дивизии), уже два месяца вместе с дивизией живу в г. Н.-Николаевске. До сих пор еще ничем не болел, хотя все товарищи переболели, перemerли и пр. Эпидемия здесь ужасная. Но это между прочим.

Работой не особенно доволен. Много канцеляршины, и бюрократизм заедает. Хочется опять в части, но Вольфович не отпускает.

¹⁵ Ветошин Михаил Кузьмич, председатель Вологодского губисполко-ма, был делегатом VII Всероссийского съезда Советов, проходившего 5--9 декабря 1919 г. в Москве.

От вас никаких известий не имею почти с июня месяца, что у вас делается, где вы все находитесь, не имею представления.

Ем хорошо, сплю тоже. Компания подобралась хорошая: бывшие меньшевики, коммунисты, анархисты. Живем весело. Жизнь понемногу узнаю все больше и больше. Ну, о себе довольно, кажется, все сказал.

...Кончая на этом, прошу сообщить тебя мне, что нового в России и за границей. Центральных газет и литературы не видели уже три месяца. Нет даже материалов 7-го съезда¹⁶.

Кланяйся Казимирычу и всем знакомым. Пиши домой. Все-то хорошего.

Виктор.

17/II-1920 г.

Адрес: Действующая Красная Армия, политотдел 51 стр. див.

№ 8

Л. Н. Котович в Вологду.

28 ноября 1920 г.

Здравствуй, мама!

Относительно телеграмм вышло, очевидно, какое-нибудь недоразумение. Я посыпал несколько, очевидно, их почта не доставила. Что касается писем, то я посыпал одно письмо с разными фотографическими карточками с одним товарищем, который уехал в Вологду. Очевидно, он меня надул и ни письма, ни карточек не доставил. Очень жаль. Писать совершенно некогда. С трудом выбрал сейчас минутку, чтобы написать.

Работы по горло. Я теперь уже на новом месте и являюсь заведующим партшколой, культпросветшколой и драматической студией Подиба 35. За это время я целый месяц жил на берегу Байкала в горах, успел побывать в гор. Зиме, и вот теперь опять в Иркутске. Понемногу я узнаю Сибирь и превращаюсь в сибиряка.

Живу ничего, только несколько голодно. В Иркутске голоднее, чем в Москве, поэтому, к сожалению, посылок посыпать не могу, ибо сам живу только на красноармейском пайке. Немного денег послать могу и при первой же получке это и сделаю.

Очень бы хотел посмотреть на всех вас, но, к сожалению, вряд ли это скоро удастся. Отпусков никаких нет, работы по горло и сомневаюсь, чтоб раньше, чем через год, можно будет к вам приехать. Разве какая-нибудь счастливая случайность или командировка. Работников у нас мало и поэтому вырваться нет никакой возможности.

¹⁶ Имеются в виду материалы VII Всероссийского съезда Советов.

Могу сообщить тебе новость: я встретил в Иркутске Александру Владимировну Курицыну. Сильно состарилась, перенесла много ужасов, чуть не была расстреляна и спаслась каким-то чудом. Кланяется тебе и обещает написать.

Ты спрашиваешь, не забросил ли я мысли об учебе. Не знаю, право. Работы так много и такой интересной, что те времена, когда я был учеником, у меня в каком-то тумане. Эти два года для меня явились такой школой, какой бы вряд ли явились все учебные заведения вместе взятые. Только подумай, сколько видов работ я прошел. Был агитатором, организатором, инструктором, завед. агитотделом подива, пом-начподива, помвоенкомом и военкомом полка, помкомбригом и военкомбригом, а теперь зав. партшколой. Разве вся эта работа не школа! И еще какая. Работать приходится в самых тяжелых условиях. Ни дров, ни света, ни обмундирования, сибирские морозы разыгрываются вовсю, К этому приходится добавлять полное отсутствие пособий и сколько-нибудь опытных работников. В такой атмосфере вырабатывать новых работников до чрезвычайности трудно. Но работать надо и в преодолении всех этих трудностей есть громадный интерес и, если хочешь, даже своего рода удовольствие. Ну, ладно, о себе довольно.

Как вы все живете? В каких условиях приходится учиться Оле и Людмиле и как их успехи? Должно быть, стали большие и серьезные девицы, так что, должно быть, их трудно узнать. Как только выберу время, то черкну им, а пока напиши им от меня привет, и попроси, если у них есть свободное время, пусть черкнут пару слов — будет очень приятно.

Что пишет папа, и как он живет? Должно быть, чертовски устал. Эх! увидеться бы с ним! Что поделывает Нина, где и как учится? Мама, не пора ли тебе бросать работу и отдохнуть хоть бы немного. Я молод и то усталость иногда дает себя чувствовать, а тебе и подавно... Ну, будь здорова. Пиши. Целую.

Виктор.

28/XI-1920 г.

Адрес: г. Иркутск, 5 армия, 35 дивизия, Подив зав. партшколой, В. Котовичу.

№ 9

Л. Н. Котович в Вологду

Город Зима, 8/III-21 года ¹⁷.

Здравствуй, мама!

Что это вы решили забастовать, что ли? Вот уже несколько месяцев не получал от вас ни одной строчки. Начинаю

¹⁷ Дата рукописи.

беспокоиться, не случилось ли что-нибудь у вас. Я совершенно потерял всех своих сродственников из виду. Когда меня спрашивают, где у меня отец и семья, я становлюсь в тупик. В самом деле: папа не то в Харькове, не то в Киеве, не то в Москве, ты с Ниной как будто в Вологде, но того и гляди, должны уехать. Людмила и Оля в Москве, но какой их адрес, хоть убей, не знаю. Попади я в Москву, я могу целый год жить там и не найти своих родных сестер. Если я случайно забуду, что в городе Вологде есть угол Пятницкий и Обуховский и д. Смирнова, тогда я совершенно потерял всех вас из виду.

Что касается меня, то я отправил в ноябре заказное письмо, а в январе с т. Смирновой, которая едет в Вологду, также небольшую писульку.

Как вы там живете? Я бы очень хотел, чтобы каждый из вас собрался наконец и написал мне хоть раз в два года. Я теперь уже опять на новом месте и значусь помначподивом 35 стрелковой сибирской дивизии. Чего больше всего не хотел, то и случилось, попал опять в канцелярию. К весне надо будет выбираться, а то у меня прямо какая-то враждебная неспособность быть руководителем масс вне масс. Работы сейчас много и работа серьезная, т. к. из армии сейчас многих работников берут в тыл, а у нас остается одна еще не переваренная молодежь.

Лично я живу хорошо, сыт, одет, обут, здоров, как вол, ни холера, ни тиф и ни один черт меня не берет, так что беспокоиться за меня вам совершенно нечего. Самое большое, что со мной могло случиться, так это, судя по описаниям разных книг, замерзнуть от 80° мороза. Но оказывается, не так страшен черт, как его малют. Зима прошла, на дворе уже весна, а я не только не замерз, но даже совершенно не чувствовал морозов, во всяком случае, меньше, чем в той же Вологде.

Так-то, значит, дела! Значит, мне бы очень хотелось узнать следующее: 1) адреса вас всех, 2) получить от вас всех письма, 3) получить письма от всех добрых знакомых. С своей стороны обещаю писать письма регулярно раз в месяц. Всего хорошего.

Виктор.

Адрес. Политотдел 35 стр. Сибирской дивизии 5 армии, помначподиву В. Котовичу.
